

Маша брела по улице, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться в лужу, есть за ней такой грех, совершенно не смотрит, куда идет. И вообще, жалко будет новые туфли.

Долго их выбирала, колебалась, всё решала, что лучше — туфли сейчас или платье, а туфли отложить на осень, чтобы носить их исключительно на выход, как говорит свекровь. «На *каждый* день, — твердит, — можно что и попроще, а что получше, то непременно побережь. А то если выходные туфли да платье на *каждый* день надевать, то вещь очень быстро в тряпку превратится, нужно будет новую покупать, так все денежки и профуфуются».

Так и произносит «каждый», а не «каждый», как все нормальные люди. И еще словечки разные, как она считает, народные. Это у нее в последние годы началось, когда она на пенсию вышла. Раньше-то работала в школе, нормально изъяснялась, приличным литературным языком, а теперь вот в народ пошла. Пословицами сыплет, поговорками: «Где родился — там и при-

годился», «Мал золотник, да дорог», «Без труда не вытянешь рыбку из пруда», «Пусти козла в огород»... Какой огород? Сроду у нее никакого огорода не было, дачки крошечной на шести сотках, и того нету, Тошку маленького некуда вывезти было, приходилось снимать халупу какую-то, без воды и печки.

И каждый раз, как выдает свекровь очередную поговорку, непременно смотрит на Машу, поджав губы, как будто всё это к ней относится. Мол, мы-то понимаем, о ком речь, да только не скажем, мол, мы-то люди деликатные...

Как всегда, когда вспоминалась свекровь, тут же у Маши заломило виски, в них как будто ввинчивался ее скрипучий голос. Она потрясла головой и все-таки вступила в лужу.

Да уж, день сегодня и правда ужасный. А когда они у нее были, хорошие дни?

Туфли, конечно, по выражению той же свекрови, товарный вид потеряли. Откровенно говоря, они ей и не нравятся, и неудобные, и цвет ей не подходит. Вчера только мерила, всего-то попросила две пары принести. Так продавщица так разоралась — сами не знаете, чего хотите! Коробку ей бросила, вроде бы на полразмера больше, и всё равно чуть тесноваты туфли. А Маша купила, хотя надо было не брать, раз такое отношение. Но не может она заставить людей себя уважать.

И сегодня с утра не успела на работу прийти, начальник крикнул из кабинета:

— Кочетова, завтра в командировку поедешь!

Маша так и встала на месте, потом в кабинет бросилась: «Сергей Николаевич, как же так? Договорились, что Лоскутова поедет, я и так уже два раза подряд ездила в этот Металлопрокат».

«Я с тобой ни о чем не договаривался, — шеф отвечает. Это у него манера такая, строгая, как он сам говорит. — Я, — говорит, — с подчиненными строг, но справедлив». Какая уж тут справедливость, когда она подряд два раза, да еще и третий норовят послать, а Ирка Лоскутова уже два месяца никуда не ездила.

Сначала по-хорошему попросила ее подменить — дескать, мама тяжело больна, Маша и согласилась. Да только бухгалтер Антонина Ивановна ей потом и сказала: дура ты, дура, ничему тебя жизнь не учит. Ирка-то с хахалем в пансионат намылилась на четыре дня, два отгула у начальника выпросила.

А в этот раз сразу поняла Ирка, что с мамой больной номер не прокатит, так видно, заранее к начальнику подольстилась. Так-то он с подчиненными не спит, принципы у него, опять же Ирка противная такая, сплетница жуткая. А на самом деле, та же бухгалтер считает, что ему и жены-то многовато, все-таки возраст прилично за пятьдесят.

Так что начальник уже всё заранее решил, поедешь, говорит, и точка. А если не нравится, то вот тебе бог, а вот — порог, увольняйся прямо сейчас. Никто не держит.

Ага, увольняйся, а кто тогда в командировку поедет? Пугает только начальник, когда он еще человека на ее место найдет. Да к тому же такого покладистого и безотказного.

Но Маша понимать-то всё понимает, а сказать резко не может, не умеет, такой уж у нее характер. И можно ведь плюнуть на всё да уйти, так боится. Профессии у нее, считай, никакой, образование — техникум, как представит она унижительные разговоры с кадровиками, да еще дома свекровь будет пилить, мол, не дал тебе бог ума, так сиди на месте и не дергайся.

Муж свою мамочку всегда поддержит, на Машу смотрит снисходительно, покрикивает, зовет Маруськой. Нарочно так говорит, знает, что Маше неприятно.

Маша смотрит на начальника, закусив губу, и сказать ничего ему не может, обещал же он ей в прошлый раз, что не пошлет в ближайшее время в этот чертов Металлопрокат. И забыл, конечно, улестила его Лоскутова, уговорила.

А начальник увидел на ее глазах слезы и еще больше разозлился. Меня, кричит, уговаривать не надо, поедешь — и точка! Кулаком еще по столу стукнул, так что ручку сломал дареную, дорогую. От этого еще больше рассвирепел.

Еле досидела Маша до обеда, никто ее не трогал, даже Лоскутова куда-то из комнаты испарилась, видно, совестно всё же. Перед обедом поймала ее бухгалтер Антонина Ивановна, сунула документы, что в Металлопрокат отвезти

нужно, сказала, что она потом в банк уйдет, так что лучше сейчас разобраться. И ты, говорит, иди с обеда домой, скажешь, что собраться нужно.

На улице дождь хлещет, но Маша всё равно ушла, чтобы злорадной морды Лоскутовой не видеть. И вот теперь куда деться? Не домой же, там свекровь привяжется с вопросами, вечером муж явится, непременно скандал устроит. И ведь Маша точно знает, что ему всё равно, есть она в доме или нет, он и не заметит, если она не придет. Но обязательно выскажет всё про командировку. Это мамаша ему в уши напела, что женщина семейная должна при доме находиться, с чужими мужиками по командировкам не мотаться.

Притом что муж абсолютно ее не ревнует. И свекровь в этом плане тоже спокойна, так прямо и говорит при Маше: на нашу-то кто польстится — ни рожи ни кожи у ней нету... Ага, так и говорит — не у нее, а у ней, это уж обязательно.

Маша в свое время глупость сделала, рассказала им, что начальник придирается. Свекровь тут же высунулась, это, говорит, потому, что ты себя поставить не умеешь. Что за выражение такое — поставить? Что она — кресло, комод или вешалка в прихожей?

Вот я, свекровь говорит, всегда себя поставить умела. Ну да, это уж конечно. Если по габаритам свекрови судить, то не женщина, а шкаф

платяной трехстворчатый, его уж если поставят, то с места лет пятьдесят не сдвигают.

Нет, домой сил нет идти. Хотя собраться и правда надо. Прямой электрички до этого самого Металлопроката (чтоб он сгорел целиком) нету, нужно ехать до узла железнодорожного, а там пересаживаться на дизельный подкидыш. Но дело в том, что этот подкидыш ходит два раза в сутки, и чтобы успеть к нему, нужно сесть на электричку, которая отходит в шесть пятнадцать. Значит, встать в пять утра и ехать на первом поезде метро до вокзала, а там бежать бегом. И когда она, невыспавшаяся и пропахшая дымом дешевых сигарет, попадет в этот Металлопрокат, ее встретят хмурые небритые мужики, которые даже на «здрассти» не отвечают. Директор завода сильно пьющий, бухгалтерша — жуткая баба с вечно поджатыми губами, секретарша — блондинка не первой молодости с накачанными гелем губами (кто сейчас так делает?). Она спит с директором и стережет его почище кавказской овчарки, опасается всех женщин от пятнадцати до пятидесяти пяти.

Разговаривают на этом заводе все исключительно матом, кроме секретарши, та только шипит, как рассерженная кобра. Пока добьешься от них толку, семь потов сойдет.

Ночевать раньше можно было в служебной гостинице, но там огромные злющие клопы и замки на дверях номеров считай, что никакие, могут ночью пьяные вломиться. К тому же за

кражу личных вещей администрация не отвечает, это у них возле стойки крупными буквами написано. Украла у Маши как-то кошелек, хорошо там денег мало было, но кошелек новый, жалко. Так что теперь нужно комнату снимать у бабки, что возле станции живет. Там тоже не больно чисто, и бабка мрачная, однако хоть не воруют, и никто ночью не вломится, у бабки собака злющая, вся в хозяйку, но чужих не подпускает.

Дождь полил сильнее, и Маша огляделась в поисках какого-нибудь укрытия. Как раз рядом оказалась вывеска кафе. Если она немедленно не выпьет чаю, то простудится.

Маша не ходила в кафе в обеденное время, она брала с собой бутерброды. С ее зарплаты в кафе не насидишься. Ну и ладно, сегодня можно, ей выдали командировочные. Она шагнула к дверям кафе. Туфли немилосердно жали.

Кафе оказалось небольшим, всего один зал, да к тому же плохо освещенный. Маше это было на руку, она прошла в дальний угол и села у стены на диванчик. Народу было немного. Официантка молча положила на стол меню.

— Мне чаю, — сказала Маша, — обыкновенного, черного, и пирожное, только без крема.

Она сняла под столом туфли и откинулась на мягкую спинку дивана. Ох, не зря говорят, если хочешь быть счастливым, купи себе тесные ботинки. Сейчас еще чай принесут...

Она встретила официантку с радостью. Но что это? Нос уловил аромат кофе.

— Что это? — Маша отодвинула в сторону чашку. — Кофе? Я же просила чай!

— Вы просили кофе! — огрызнулась девица. — Я точно помню, кофе черный, без сахара. У меня еще склероза нет, я все заказы помню! А если не верите, вот у меня записано! — И ткнула Маше блокнот, где было что-то неразборчиво нацарапано.

Но как же... Маша хотела возмущенно закричать, но тут заметила в глазах девицы злорадные огоньки. За что они все так с ней? Что она им всем сделала? Горло перехватило, и чтобы не закашляться, она отхлебнула горького кофе. И все вдруг пропало, и злющая официантка, и затрапезное кафе, и весь этот дождливый город...

Маша стояла перед высокой ажурной оградой.

За этой оградой она увидела удивительный сад — ровные ряды аккуратно подстриженных деревьев, за которыми прятались круглые клумбы и длинные ухоженные цветники, удивительные фонтаны и укромные беседки.

Но всё это было какое-то странное, ненастоящее — светло-голубые, полупрозрачные деревья, голубые полупрозрачные цветы на клумбах, голубые полупрозрачные статуи...

И ограда, перед которой она стояла, была из того же странного, удивительного полупрозрач-

ного материала. Словно она была соткана из сгущенного, уплотнившегося воздуха, воздуха одновременно легкого и плотного, каким он бывает в первые волшебные минуты наступающих сумерек, когда все кажется нереальным.

Маша почувствовала непреодолимое желание войти в этот сад, пройти по его дорожкам, ощутить аромат этих цветов. Она толкнула полупрозрачную калитку и вошла в сад.

Она шла по дорожке — и с каждым шагом душу ее переполняло удивление.

Сад был полон тишины. Особенной, звенящей тишины. Так звенит струна еще долго после того, как ее коснется смычок или пальцы музыканта.

Не щебетали птицы, сидевшие на голубых ветвях, и даже листья голубых деревьев не шелестели под ветром. Не журчали фонтаны, хотя струи воды извергались из пастей фантастических созданий — сказочных рыб, дельфинов, морских коней. Казалось, этот сад погружен в магический сон, как сад в замке Спящей Красавицы.

Маша наклонилась над клумбой, чтобы понюхать голубую полупрозрачную розу, но у этой розы не было запаха. Точнее, она пахла чем-то неизвестным, странным, как бывает во сне.

Тогда она дотронулась до голубого стебля — и от ее прикосновения стебель призрачной розы треснул и раскололся, голубая роза упала на землю и с нежным, мелодичным звоном рассыпалась на миллион крошечных осколков.

И только теперь Маша поняла, что сад, в котором она оказалась, сделан из стекла. Из полупрозрачного стекла цвета выцветшего весеннего неба. Тревожного, нежного, прозрачного неба, каким оно бывает в середине марта.

Стеклянная вода лилась из стеклянных фонтанов, наполняя стеклянные бассейны, стеклянные птицы сидели на стеклянных ветвях, среди стеклянной листвы, стеклянные статуи античных богов и героев прятались в глубине аллей и, казалось, шептались о чем-то на давно забытом языке.

Удивленная и растерянная, Маша взглянула на свои руки... и с изумлением увидела, что они тоже сотканы из того же прозрачного голубого стекла, что и всё в этом саду. Сквозь голубоватую прозрачную кожу просвечивали, едва заметно пульсируя, голубые вены, как в первый морозный день вода засыпающей реки просвечивает сквозь первый, хрупкий, еще незамутнённый лёд.

И тут она услышала нежный, волшебный и печальный звон. Удивительную, космическую музыку.

Она оглянулась в ту сторону, откуда доносился этот звон — и увидела, что бледно-голубые цветы на стеклянной клумбе рассыпаются, раскалываются на миллионы голубых искрящихся осколков, вслед за той первой розой, которую она погубила своим неосторожным прикосновением.